

УДК 94(436)1915

UDC

DOI: 10.17223/23451734/7/5

ВОПРОС ОБ ЕДИНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕРЕД АВСТРИЙСКИМ ВОЕННЫМ СУДОМ В ВЕНЕ В 1915 ГОДУ

**Научные показания проф. д-ра В. Вондрака
о сущности и роли русского литературного языка
по отношению к его наречиям с вводной заметкой
автора и с предисловием и примечаниями проф.
д-ра Ю.А. Яворского**

Резюме

В материале приводятся показания профессора Венского университета доктора В. Вондрака, извлеченные из стенографического протокола заседания военного дивизионного суда ландвера в Вене, где рассматривалось дело депутата австрийского парламента, доктора Д.А. Маркова и его 6 товарищей.

Первый Венский процесс проходил с 21 июня по 21 августа 1915 г. «Вина» подсудимых заключалась в том, что после объявления всеобщей мобилизации они состояли членами «Русского народного совета» и других русских обществ и в качестве основателей «Карпаторусского освободительного комитета» занимались «подстрекательством» и вели «русофильскую агитацию». Обвиняемыми в государственной измене выступали 7 чел.

В ходе процесса было исписано 40 с лишним томов стенографических отчетов, и все подсудимые были приговорены к смертной казни через повешение. Только благодаря ходатайству испанского короля (Испания в ходе войны представляла интересы России в Германии и Австро-Венгрии) казнь заменили на пожизненное заключение

В. Вондрак как эксперт высказал свое мнение по вопросу о происхождении и роли русского литературного языка и его отношении к отдельным русским наречиям. Предлагаемые научные показания были представлены на 15-м заседании суда 7 июля 1915 г. и были извлечены из стенографического отчета (т. VI, стр. 1420–1468). Они были подготовлены и выпущены с параллельным переводом на русский язык в 1924 г. во Львове известным деятелем русского движения Галиции Ю.А. Яворским отдельной брошюрой.

Ключевые слова: В. Вондрак, Ю.А. Яворский, Первый Венский процесс, русины, Австро-Венгрия, Галиция, Первая мировая война.

THE QUESTION ABOUT THE UNITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE BEFORE THE AUSTRIAN MILITARY TRIAL IN VIENNA IN 1915

Scholarly Evidence of Dr. V. Vondrak about the Essence and Role of the Russian Literary Language in Relationship to its Dialects and Introductory Note of the Author and Preface of Professor Dr. Yu.A. Iavorskii along with his comments.

Abstract

In the material the evidence of Dr. V. Vondrak, Professor of the University of Vienna, is presented. This evidence was excerpted from the stenographic protocol of a session of a military divisional trial in Vienna in which the activity of a deputy of the Austrian Parliament, Dr. D.A. Markov and six of his compatriots were under examination. The First Viennese Trial occurred from June 21 to August 21, 1915. The defendants were accused of being members of the "Russian National Council" and other Russian societies and as founders of the "Carpatho-Russian Liberation Committee". They were accused of being active in instigating and carrying out "russophile agitation". Seven people were charged for high treason. During the trial forty plus volumes of stenographic reports were documented and all accused were sentenced to death by hanging. Thanks to the intercession of the Spanish king the execution was changed to life imprisonment. (During the war, Spain represented the interests of Russia in Germany and Austro-Hungary).

V. Vondrak, as an expert, stated his opinion about the origin and role of the Russian Literary Language and its relationship to the diverse Russian dialects. The scholarly evidence was presented at the 15th session of the trial on July 7, 1915 and was extracted from the stenographic records (v. 6, pages 1420-1468). They were prepared and printed in a booklet with parallel Russian translation in 1924 in L'vov by the well-known activist of the Russian Movement in Galicia Iu.A. Iavorskii.

Keywords: V. Vondrak, Iu.A. Iavorskii, First Viennese Trial, Rusins, Austro-Hungary, Galicia, WW1.

Предисловие

Общерусская национальная идея и ее естественный внешний символ и выразитель – литературный русский язык – подвергались издавна и планомерно среди русского населения Прикарпа-

тья всевозможным преследованиям и гонениям со стороны бывших австро-венгерских властей, причем происходило это, конечно, не вследствие каких-нибудь внутренних предосудительных или вредных их свойств или тенденций вообще, а просто и исключительно только благодаря тому, что тут же, рядом, в качестве властно и неизменно притягивающего национального центра существовала могучая, единокровная этому населению Россия, по отношению к которой разрушенная ныне Габсбургская тюрьма народов всегда испытывала поэтому непримиримую, ревнивую вражду и слепой и неистовый страх. Помимо постоянных и систематических частных преследований русской речи, печати, культуры и даже самой мысли по себе, достаточно припомнить в этом отношении хотя бы только такие более выдающиеся и яркие случаи общих судебно-политических репрессий, как, например, известные процессы Ольги Грабарь и тов. 1882 г., братьев Геровских 1899 г. или, наконец, уже непосредственно накануне войны, С.Ю. Бендасюка и тов. 1914 г., на которых в качестве главного подсудимого привлекался именно общерусский национальный принцип и литературный русский язык, чтобы составить себе об этом уродливом и нелепом извращении австро-венгерской государственной мысли надлежащее понятие вообще.

Но если все-таки в нормальных и более или менее сдержанных условиях мирного, конституционного режима это изуверское извращение и оставалось еще с грехом пополам в пределах известного правового метода и порядка, то с момента разразившейся вдруг в 1914 г. всемирной войны, сразу же направившейся со стороны обезумевшей Австро-Венгрии почти исключительно против России, проявилось оно уже в такой дикой и безудержно-яростной форме, что трудно даже поверить, чтобы в наше правовое и культурное время был еще вообще возможен по отношению к своим собственным, мирным и ни в чем неповинным гражданам такой беззастенчивый и гнусный государственный произвол и разбой. Тут уже, помимо всеобщего и полного истребления всей общественной и культурной русской застройки и жизни в крае вообще, всякого внешнего русского признака и следа даже с лица родной земли, начались такие неистовые и дикие оргии, такой сплошной чудовищный кош-

* Об указанных культурно-политических процессах см.: Стенографический отчет из судовой расправы по делу Ольги Грабарь и тов., Львов, 1882; Стеногр. отчет из разбирательства кассационного суда в Вене (по тому же делу), Львов, 1883; П.А. Кулаковский. Русский язык и литература перед судом в Австро-Венгрии, Вильна, 1900; П.Е. Казанский. Русский язык в Австро-Венгрии, Одесса, 1912; Судебный отчет по делу С.Ю. Бендасюка и тов. – в газ. «Прикарпатская Русь» за 1914 г. и др.

мар слепой и поголовной травли и хулы, как это могло иметь место разве в самые мрачные и лютые моменты каких-нибудь изуверских судорог отдаленнейших старых времен. И многие-многие тысячи безвинных мирных людей, все преступление которых заключалось единственно в том, что они признавали себя русскими и оставались верными своей заветной национальной правде и мечте, были вдруг объявлены, как государственные изменники и враги, вне всякого закона и щита, а вслед за тем и подвергнуты сразу самым лютым и бесчеловечным надругательствам, гонениям и мукам - до массовых арестов и мытарств по всевозможным лагерям и тюрьмам и, наконец, бесчисленных и беспощадных избиений и казней, виселиц и расстрелов включительно.

В ряду самых возмутительных и злостных случаев чудовищной австро-венгерской расправы с мирным и невинным карпаторусским населением особенно выделяется известное венское военно-судное дело по обвинению в государственной измене семи галицко-русских общественных деятелей с депутатами парламента д-ром Д.А. Марковым и В.М. Курыловичем во главе. Представляя, в сущности, - хотя, впрочем, и в более крупном и ярком масштабе - только обычную точную копию с бесчисленного количества других подобных дел тех жутких дней, оно в то же время является особенно замечательным и характерным в данном отношении потому, что происходило оно ведь не в суетных и произвольных мутях какого-нибудь глухого, захолустного застенка, не в какой-нибудь случайной и угарной обстановке дикого и буйного разгула рассвирепевших жандармов или просто пьяной солдатни, а именно, словно в резком и явственном фокусе, на самом виду, в самом центре государственной политики и жизни, в полном блеске столичной мишуры и культуры, во всеоружии державного правопорядка и суда.

Производилось это гнусное дело - или так называемый Первый венский русский процесс - перед военным дивизионным судом ландверы (Landwehrdivisionsgericht) в Вене, в продолжение полных двух месяцев, с 21 июня по 21 августа 1915 г., при председателе (Vorsitzender) оберсте Карле Петцольде, докладчике-руководителе (Verhandlungsleiter) оберлейтенанте-аудиторе д-ре Роберте Пейтельшмитде и военном прокуроре (Militär-Anwalt) оберлейтенанте-аудиторе д-ре Рудольфе Вундерере, обычное же по тем лютым и безумным временам обвинение в государственной измене было направлено против следующих арестованных в первые же дни во-

* Подробнее см. об этом: Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг., вып. I, Львов, 1924.

енной мобилизации семи лиц: депутатов парламента д-ра Д.А. Маркова и В.М. Курыловича, присяжных поверенных д-ров К.С. Черлюнчакевича из Перемышля и И.Н. Драгомирецкого из Золочева, корреспондента «Нового времени» Д.И. Янчевецкого и крестьян Фомы Дьякова из Вербежа и Гавриила Мулькевича из Каменки Струмиловой.

Если уже само внешнее и случайное объединение всех этих лиц различных групп, кругов и местожительств под одним и тем же обвинением достаточно ясно свидетельствует о том, что последнее было наведено искусственно, вырывочно и зря и, стало быть, никаких конкретных и фактических оснований не имело, а относилось главным образом только к общей и свойственной всем подсудимым национальной русской идее и сущности вообще, то на поверку из целого хода этого позорного судилища, несмотря на все ухищрения и подвохи самого обвинения, становится уже совершенно очевидным, что тут ни малейшего признака или замысла даже не то что настоящей государственной измены, а хотя бы только какого-нибудь мелкого и косвенного политического проступка и в помине не было и быть не могло. Таким образом, именно в бессильном сознании полного отсутствия какого бы то ни было состава преступления и весь ход самого разбирательства дела вращался, собственно говоря, впустую, вокруг одних только общих идеологических вопросов относительно русской национальной идеи и литературного русского языка вообще, а естественной приверженности к ним или т. наз. «русофильства» подсудимых в частности, причем вместо каких-нибудь документов, вещественных доказательств и других подобных улик на нем фигурировали одни только безобидные русские газеты и книги, с одной стороны, а частные письма или даже открытки с видами России - с другой. А впрочем, ничего больше и не нужно тут было для слепого и тенденциозного австрийского правосудия войны, так как все дело сводилось в конце концов к тому, - как это сразу же и прямо установлено было на самом суде, - что в пределах Австро-Венгрии не было, нет и быть не может никакого русского народа, а есть только один верноподданный «украинский» народ, ввиду чего, конечно, всякий, кто лишь признает себя русским и считает литературный русский язык своим родным, уже тем самым совершает государственное преступление и является для государства заведомым предателем и врагом. И, как это ни невероятно и дико, этот злостный и коварный принцип, заменив собой все отсутствующие факты и улики, являлся именно тем главным и основным мотивом, на котором уже заранее было построено и которым настойчиво орудовало все время обвинение как в лице военного прокурора и

членов суда, так и со стороны неизбежных свидетелей - доносчиков из бессовестного Каинова отродья - «украинских» общественных кругов. «Кто употребляет русский язык, не может быть хорошим австрийцем», - эта нелепая и изуверская дилемма, цинически откровенно и прямо формулированная одним из пресловутых «украинских» свидетелей-экспертов, адвокатом д-ром Ф. Ваньом из Золочева, несменно проникала все дело с начала до конца, в особенности же подчеркивалась на все лады применительно к отдельным подсудимым в свидетельских показаниях почти всех других достойных соратников последнего, как-то депутатов д-ра К. Левицкого, д-ра Е. Петрушевича (впоследствии «захидноукраинского диктатора»), В. Будзыновского, о. С. Онышкевича, В. Яворского и С. Витыка, профессоров д-ра К. Студинского и д-ра А. Колессы, адвоката д-ра Ф. Кормоша, сов. В. Ясеницкого, редактора «Діла» Я. Весоловского и других.

А в результате всего этого явного и заведомого политического произвола, шантажа или бреда - «семь повешенных» в виду, семь смертных приговоров, которые только экстренно и случайно, благодаря своевременному и энергичному личному ходатайству испанского (!) короля, не были тут же проведены, как в других подобных случаях, до страшного, рокового конца...

Не задаваясь здесь широкой целью сколько-нибудь использовать или отобразить весь этот чудовищный военно-политический процесс сам по себе, что уже ввиду громадного его размера - около 40 объемистых томов машинного письма самого стенографического отчета - является пока, конечно, совершенно непосильной и праздной мечтой, мы считаем все же своевременным и нужным, по крайней мере, полностью извлечь из него для всеобщего сведения один частный, но, бесспорно, самый существенный и важный эпизод, вокруг которого к тому же, как уже было указано выше, беспомощно вращался и весь этот процесс вообще, а именно - обстоятельную научную экспертизу авторитетнейшего представителя славяноведения в Австрии профессора Венского (ныне Брненского в Чехии) университета д-ра Вацлава Вондрака по вопросу о сущности и роли русского литературного языка вообще, о его отношении к отдельным русским наречиям в частности. И хотя глубокая и блестящая экспертиза эта, являющаяся в общем последним и неоспоримым словом научного познания и суда, и прозвучала вчуже, в безумной и жестокой обстановке военной грозы совершенно напрасно и зря и, увы, не образумила нимало ничем не убедимых судей-палачей, то,

* Краткий обзор данного процесса см. в статье К. Николаевича: Первый веденский процесс - в «Календаре О-ва им. М. Качковского на 1920 г.», Львов, 1919, стр. 130-134.

может быть, все-таки ныне, в более уравновешенных и чутких условиях вновь воспрянувших культурных ценностей и основ, она и возымеет в данном отношении решающий и действенный успех. Тем более что она, идя совершенно вразрез со всей общей и заведомой тенденцией не только австро-венгерских властей вообще, но и самого даже суда - не в пример угодливым и безответственным наветам и подлогам добровольного «украинского» сыска - представляет вместе с тем также и благороднейший образец высокого научного и гражданского мужества и нелицеприятия, которые дорого могли обойтись самоотверженному ученому в те грозные, беспощадные дни, но зато не оставляют уже ни малейшего сомнения в том, что каждое слово этого смелого присяжного показания было продумано и произнесено им в высшей степени искренне и правдиво, не за страх, а за совесть, за научный и нравственный долг.

Предлагаемые здесь научные показания профессора Вондрака, представленные им на 15-м заседании означенного суда 7 июля 1915 г., извлечены нами полностью и буквально из стенографического отчета о последнем (т. VI, стр. 1420-1463), причем в видах большей достоверности и точности текста, с одной стороны, а самой широкой доступности его как для русских, так и для инородных читателей - с другой, воспроизводим последний параллельно - в немецком оригинале и в возможно точном переводе на русский язык.

С признательностью следует отметить, наконец, что этот подлинный немецкий текст был специально для настоящего издания любезно просмотрен и выправлен самим же автором, который, кроме того, снабдил его также еще особой вступительной заметкой, придающей ему, без сомнения, сугубо устойчивый и живой интерес.

В общем, эти знаменательные показания выдающегося славянского ученого, обстоятельно и всесторонне излагая простыми и ясными словами всю сложную сущность вопроса, не нуждаются, конечно, ни в каких особых пояснениях и дополнениях по существу. Можно бы, пожалуй, там и сям несколько более выдвинуть или распространить тот или другой отдельный момент, следовало бы, быть может, в некоторых случаях усилить показательность примеров и углубить их значение и фон, но это все уже лишь частные детали и черты, которые ничего не прибавили бы по сути к стройной и неотразимой убедительности и силе научных выводов и положений автора самих по себе. В крайнем случае, тут оставалось бы только так или иначе пополнить естественный внешней пробел данного изустного текста, допущенный, конечно, в связи с особыми условиями его происхождения и назначения для суда, а именно совершенное отсутствие в нем научной литературы и цитат, ввиду чего мы и позволяем себе,

кстати, хоть в общих чертах указать в примечаниях на важнейшие научные труды как по некоторым частным, затрагиваемым попутно его моментам, так и по самому этому главному и основодержавшему вопросу вообще.

Ю. Яворский

Введение

В настоящем политическом споре перед лицом сурового военного суда наглядно отражается все то, что можно наблюдать и в других случаях в жизни народов. Приверженцы какого-нибудь языка или наречия, не употребляющегося еще в качестве литературного языка, считают уместным - происходит же эта мысль обыкновенно из среды их интеллигенции - возвысить свое родное наречие до степени литературного языка. Могут быть представлены для этого те или другие основания, могут даже на самом деле существовать для этого весьма важные причины, которых нельзя уж так легко отвергать. И все-таки это такой шаг, над которым стремящиеся к нему интеллигенты должны бы раньше призадуматься с величайшей осмотрительностью и всесторонне.

Обладать готовым литературным языком, который не совсем чужд родному наречию, так что ему легко можно выучиться в школах, который имеет свою традицию и свою литературу, является огромным удобством и неоценимым сокровищем, так как все то, что написано на этом языке, представляет вместе с тем также достояние всех, кто пользуется им в качестве литературного языка. И можно ли так легко принять на свою ответственность отказ от подобного сокровища? И сознают ли все те, кто стремится к введению нового литературного языка, все трудности, с которыми соединено его создание? Сколько усилий потратится зря, например, на одно только образование новой научной терминологии, так как ведь и она тоже должна быть совершенно новой и, сохрани Бог, чтобы хоть сколько-нибудь напоминала прежний литературный язык, по отношению к которому создается вдруг, большей частью - искусственно, какая-то антипатия и вражда. И если даже в конце концов и образуется кое-как этот новый литературный язык, то народ остается тут все же в убытке. Самонадеянно кичась своим новым приобретением, он не принимает во внимание того, что им утеряно при этом, не соображает, что он безрассудно завалил себе камнями путь, который прежде привольно вел его к неоценимым старым сокровищам.

Огромная ценность такого общего языка, стоящего над частными, даже довольно крупными наречиями, видим наглядно у немец-

кого народа. Сколько здесь противоречий между севером и югом, востоком и западом, в вероисповедании, характере, традиции и т. д., а все-таки все эти разнородные и расходящиеся врозь частицы крепко соединяет единый литературный язык, который все изучили в школах, - литературному же языку везде должно учиться в школах. Люди, владеющие одним лишь своим наречием, - если бы подобные невежды нашлись еще среди немцев вообще, - вовсе даже не понимали бы его. А если бы здесь все-таки возникла какая-нибудь распря, то таковая была бы только скоропреходящей - эту трещину тотчас опять склеил бы могучий литературный язык. Такая-то волшебная сила литературного языка с богатыми традициями и великой мировой литературой! *Nic disce!*

Брно, 15 ноября 1923 г.

Вацлав Вондрак

**Извлечение из стенографического протокола заседания
военного дивизионного суда ландверы в Вене по делу
д-ра Д. А. Маркова и тов. от 7 июля 1915 (т. VI, стр. 1420 - 1463)**

Перевод

Докладчик-руководитель д-р Пейтельшмидт: Вопрос, о котором тут идет речь, заключается в существенных чертах в следующем: следует установить соотношение и представить краткий исторический обзор образования русского языка вообще, а его раздробления на различные наречия и нынешних отношений между велико- и малорусским, а в особенности галицко-русским языком в частности. Прошу высказаться об этом.

Эксперт д-р Вондрак: Вопрос этот неоднократно рассматривался в последнее время в науке. Лучше всего можно представить его с помощью карты. Достаточно указать здесь на языковые области. То, что отмечено зеленой краской, представляет русскую языковую область вообще. Одна часть зачерчена перпендикулярными зелеными линиями, другая - горизонтальными, причем та часть, которая зачерчена перпендикулярными линиями, представляет малорусскую, рутенскую или южнорусскую языковую область. Вопрос в том, составляла ли первоначально вся эта область одно целое, употреблялся ли здесь один тождественный язык?

Тут расходятся мнения. Большинство славистов утверждает, что здесь действительно существовал единый язык, и они приводят целый ряд признаков, которые это доказывают на самом деле¹. В

этом отношении следует в особенности привести так называемую группу *tert* и *tort*. Вот схема: *r* может быть заменено посредством *l*, а *t* посредством каждой согласной, за исключением *j*. Когда эта группа появилась в восточнославянском языке, произошло изменение, которое одинаково присуще целой этой области и имеет место только в этой области, а больше нигде. Например, *Przemysl* звучит по-русски *Перемышль*. Характеристической чертой является здесь то, что гласная остается перед плавной; она не изменяется. Вместе с тем, после плавной разворачивается вторая, однозвучная с предыдущей гласная, так что получаются две гласные: *Перемышль*. То же наблюдается и в других словах, напр. *голос*, в малорусском *holos*. В других славянских языках этого нет, там гласная переставляется. В западнославянских языках имеем тут *glas* (*hlas, glos*), в южнославянском так же само (*glas*). Гласная не осталась нигде больше в таком полнозвучном виде, только в одной этой единой области. Это такой характерный признак, который показывает, безусловно, что все эти племена жили когда-то в тесной общности друг с другом и имели, очевидно, один общий язык.

Кроме этого признака, существуют еще и другие, напр., также замена глухих *ъ* и *ь*. В праславянском языке существовали две глухие, который отличались своей краткостью. Обе были различны, и различие их в данных областях сохранилось еще в том, что одна передается посредством *o*, напр. *горло*, другая же посредством *e*, напр. *сердце*. В других славянских языках этого нет. Эти последние производят это иначе; они развернули слоговое *r* и *l*, затем также сопроводительные гласные, как перед, так и после плавных, но, подобно тому, как в русской области, это здесь места не имеет. Дальше, напр., характерно отношение к праславянскому *tj* и *dj*: *tj* переходит в *ч*, а *dj* в *ж*, напр. *хочу* и *урожен*. В частности, в малорусском языке перед это *ж* стало еще *д*, так что из *уроджен* получилось *уроджен*. Но это произошло уже позже под влиянием тех форм, в которых не последовало замены. В более древних источниках везде было только *ж*, как в малорусском, так и в великорусском языке; оно присуще им в одинаковой мере.

Затем следует отметить ударение. Ударение тут замечательно. Как в малорусском, так и в великорусском языке замечается передвижное ударение, то есть оно переносится в различных формах с одного слога на другой. В малорусском *вода* ударение падает на *a*, в винит. падеже *воду* - ударение перешло на *o*. В великорусском языке наблюдается то же самое; ударение осталось здесь такое же, как было в праславянском языке. Иногда здесь сохранилось праязыковое ударение: *жена* или *жона*, с ударением на *a*. Так было уже

в праязыке, что ударение падало на последний слог, как и в этимологически одинаковом греческом слове *υμνη*, где ударение тоже падает на последний слог. Здесь *ю* дается то же самое.

Вот прежде всего то, что касается звуковой стороны вопроса. Существуют еще и другие признаки, которые точно так же говорят в пользу единства, но они должны быть представлены письменно, чтобы их можно было в точности уразуметь. Совершенно так же и словесный материал данной области в значительной степени один и тот же, причем обнаруживаются весьма замечательные явления, доказывающие это близкое родство. Напр., слово «40» в других славянских языках выражается посредством выражения «4 десятка» - *četyre (i) desęte (i)*. Здесь этого нет; как в малорусском, так и в великорусском языке говорится *сорок*, очевидно, заимствование из греческого. Дальнейшее такое образование - «90». Там говорят «9 десятков», а в малорусском и великорусском - *дев'яносто*. Это весьма замечательное образование, отличающееся от всех других славянских языков.

Но эта область, бывшая первоначально единой, уже рано раскололась диалектически на различные части. Книжный язык, который здесь употреблялся, был прежде всего церковнославянский. Христианство пришло с юга, а с ним и церковнославянщина - и на этом языке затем и писалось все на Руси. Но скоро стали проникать в эти памятники и местные черты. Имеем памятники из XI века, напр. Остромирово Евангелие 1056-1057 г., затем Изборник 1073 г. и памятники 90-х годов. В этих памятниках, язык которых был церковнославянский, находятся черты, обнаруживающие русское происхождение, а именно прежде всего та группа, о которой было упомянуто раньше; напр., вместо церковнославянского *trat* из *tort* мы встречаем здесь неоднократно *torot*, а *teret* вместо *tert*. Имеются здесь и другие признаки: напр., *e* заменяется уже рано посредством *u*, что является характерным признаком малорусского или южнорусского элемента. Это проявляется прежде всего на данной почве. Но также и в одной части великорусской области встречается тот же самый звуковой процесс, который повторяется здесь.

С течением времени это противоречие между отдельными наречиями развивалось все сильнее - и это относится в особенности к малорусскому наречию. Этому содействовали различные политические обстоятельства, как, напр., владычество Польши, которое продолжалось значительное время. Если посмотреть на карту, то можно заметить также и на малорусской языковой территории громадное количество желтых пятен. Это просто польские колонии или большие помещичьи владения; они так многочисленны, что напомина-

ют усеянное звездами небо. Это не осталось, конечно, без влияния тоже и в отношении языка, и мы видим, что именно в малорусской области словесный состав не остался ненарушенным. В малорусском языке имеется множество слов, которые вовсе не встречаются в великорусском или попадают в нем лишь редко, а должны быть отнесены только к влиянию польского языка. Конечно, обязательно можно заметить при этом, что они появляются гораздо позже, что вполне понятно. Как интересный пример могу привести слово *пан* – «господин», которое появляется в малорусских памятниках с XVI в.; но это же слово появляется также в некоторых великорусских памятниках, так как польское влияние проникает даже туда. То же слово встречаем также в литовском языке, как *pons*; оно заимствовано. Форма *pan* не первична; этимологически она находится в связи с праславянским *župan*, что обозначало должностное лицо определенного рода. Это слово сохранилось еще в отдельных славянских языках, где получило значения разных оттенков. Из него возникло в западнославянской области *pan*, а именно в посредствующей форме *hpan*. Как образовалось оно, прямо ли от *župan* или из предполагаемой второй формы *gran*, это спорный вопрос, но этимологическое родство между *župan* и *hpan* или *gran* несомненно. В то время, когда в чешском языке можно отметить здесь переходную ступень, в малорусской области это не имеет более места. Тут имеется просто *пан*; это слово появляется здесь в более поздней форме, которая показывает, что оно проникло сюда под влиянием западнославянских языков, а в частности - польского.

Польское влияние обнаруживается здесь также в целом ряде других слов; малорусский словесный состав перетравлен вообще весьма сильно польскими словами. В великорусском говорится иной, в малорусском часто - *иный*; это ничто другое, как сравнительная степень. Возьмем, напр., слово *нибы*; оно проникло в малорусский язык тоже из польского, точно так же, как и *ним* и т. д. В малорусском языке встречаем целый ряд подобных слов.

Под конец XVIII в. начинает малорусский элемент заметно проявляться также и в литературном отношении. Появляются памятники, литературные произведения, написанные на употребляемом здесь наречии, а именно прежде всего на Украине, в России. Основателем был Котляревский со своей «Энеидой», которая является первым того рода произведением на малорусском языке. Имеются, правда, также памятники более старого времени, которые показывают, что подобные попытки имели уже место и несколько раньше. Этот язык вводится затем все интенсивнее в употребление, появляется все больше памятников подобного рода, писателей, представивших

вполне замечательные произведения, как, напр., Кветка Основьяненко. Затем следуют отдельные известные поэты, как, напр., Шевченко.

Однако в половине прошлого столетия центр развития этого языка был перенесен в Галичину, так как в России это не было вполне возможно, в Галичине же, т. е. в Австрии, мог этот язык развиваться и развешиваться дальше. Но здесь замечается у малорусских писателей определенное направление: они делают усиленные попытки вытравлять отдельные слова, существовавшие до тех пор в малорусском языковом составе, и заменять их другими, а именно преимущественно польскими словами. В Галичине это, конечно, понятно, так как ведь связь между польским и малорусским элементом здесь тесная, в виду чего они и обратились прежде всего к польскому языковому материалу. Это имело определенную цель: малорусским писателям прежде всего шло о том, чтобы показать, что их язык самостоятелен, что он не имеет ничего общего с русским. Это они стремились выразить то же и в своих произведениях, а потому они прежде всего стали вытравлять все слова, которые встречаются и в русском языке, и заменять их польскими. Ту же тенденцию, которая распространяется все дальше, можно проследить и в «Вестнике державных законов». В этом «Вестнике» с 1848 г. употребляются еще церковнославянские буквы и слова, и это продолжается затем и дальше. У меня имеется здесь пример из «Вестника» 1888 г. относительно закона об обеспечении рабочих. Тут сказано в заглавии: *в державной думе*; затем у меня есть номер от 1907 г., в котором уже говорится: *в раде державной*, - следовательно, слово *дума* уже устарено, так как оно находится и в русском языке, а заменено словом *рада*, которое имеется в польском. Точно так же говорится еще в «Вестнике» 1888 г. *издано*, - а в 1907 г. уже *видано*, значит, опять-таки другое (польское) образование. В номере от 1888 г. - *за согласием*, в 1907 г. - уже *за згодою*, то есть просто принято польское *zgoda*.

Того рода тенденция во всяком случае не может быть признана правильной, так как язык подвергается опасности, что он в качестве литературного языка просто не будет понят малорусами на Украине, потому что он не обладает ведь таким количеством слов, как местные слова, родственные или тождественные с великорусскими. Против подобного образа действий поднимались уже предостерегающие голоса; особенно следовало бы вспомнить Ягича, который предостерегал перед этим². В статье «Osteuropäische Literaturen und die slavischen Sprachen» в журнале «Die Kultur der Gegenwart», изд. П. Гиннебергом, Берлин, 1908, стр. 18, - известной публикации - он выразился следующим образом: «В настоящее время переживает ма-

лорусский язык в Галичине настоящий период бури и натиска. Производимая почти с лихорадочной стремительностью выработка его, даже применительно к отдаленнейшим областям прикладных наук, прежде чем налицо оказались крупные таланты для отдельных специальностей, вызывает вопросы, удачное разрешение которых не всегда легко. Язык нагружается слишком поспешно бесчисленными новообразованиями, подвергаясь опасности потери своей естественности и народности. Он удаляется все больше от безукоризненных украинских образцов. Стремление к возможно сильному выражению языковой индивидуальности и самостоятельности малорусского языка по отношению к великорусскому увлекает некоторых писателей к всевозможным искусственно, по польским и немецким образцам придуманным новообразованиям, каковым дается преимущество перед древним общерусским наследием, чтобы только создать что-то новое, отличное от великорусского языка. Подобных крайностей, противоречащих правильно понятым интересам естественного развития малорусского языка, никоим образом нельзя одобрить». Это слова проф. Ягича, под которыми я мог бы подписаться, безусловно.

Некоторые из малорусских ученых признают это единство. Я могу здесь указать, напр., на проф. Колессу. В своей речи в парламенте от 8 июня 1908 г. он признал принадлежность малорусского языка к великорусскому; в находящемся передо мной издании, стр. 371, он говорит: «Славянская ветвь распадается на три группы: во-первых, южнославянскую языковую группу (болгарский, сербохорватский и словинский языки), во-вторых, западнославянскую языковую группу (польский, чехословацкий и кашубский языки) и, в-третьих, русскую, или восточнославянскую языковую группу. Последняя обнимает: а) великорусско-белорусский язык и б) малорусский (украинский, рутенский) язык. Эта восточнославянская языковая группа образует одно целое не по отношению к каждому славянскому языку в отдельности, а только по отношению к южнославянской языковой группе, с одной стороны, а к западнославянской языковой группе - с другой, причем она тесно объединена некоторыми внутренними чертами». Итак, он признает, по крайней мере, что это принадлежит к одному целому, к русской языковой группе³.

Другие малорусские филологи отрицают уже какую-нибудь связь с великорусским языком вообще. Так, напр., читал я в 1913 г. малорусскую грамматику проф. Смаль-Стоцкого, в которой делаются попытки доказать, что малорусский язык вообще не имеет ничего общего с великорусским, причем он пытается привести его в связь прежде всего с южнославянским, а даже желал бы его просто отне-

сти к сербохорватскому - начинание, которое филологически никак не может быть оправдано. Я уже раньше отметил отдельные признаки, которые этому противоречат. Конечно, кое-что встречается такое, что напоминает южнославянские языки, - явление, которое наблюдается неоднократно в случае соприкасания языков. Так, напр., в данном случае в малорусском нет смягчения согласной перед *e*: в то время как в великорусском *не* произносится как *нье*, здесь звучит *не*, как и в южнославянском, но это образовалось только с течением времени. Имеются древние памятники XI века, написанные, вне всякого сомнения, в нынешней малорусской области, в которых мы замечаем, как, напр., в Изборнике 1073 г., что писец смешивал *не* и *нье*. После *н* он писал *ь*, что явственно показывает, что он смягчал согласную, которая в то время произносилась еще в малорусском языке как *нье*, и что это смягчение с течением времени затерялось. Данное сочинение Смаля-Стоцкого встретило с многих сторон осуждение за то, что в нем заключаются взгляды, которые обоснованы быть не могут⁴.

Что касается отношения того малорусского языка, на котором говорят в Галичине, к украинскому языку, употребляемому в России, то, конечно, родство их самое близкое. Даже те самые слова, которые проникли сюда из польского, встречаются в избытке также и здесь, на Украине, хотя в Галичине их все же больше; в последней имеется гораздо больше слов с польского, чем на Украине. Поэтому все-таки замечается некоторое разноречие. Следует отметить также, что малорусский язык на Украине часто распадается на дальнейшие говоры, которые, в свою очередь, выказывают также различия, в особенности, напр., в отношении *i*. В Галичине *i* произносится по большей части как *e*, между тем как в украинских говорах оно имеет другое произношение.

Вот все, что в общих чертах можно было бы сказать об этих отношениях. Можно бы, конечно, привести гораздо больше признаков и материалов, но это завело бы нас слишком далеко.

Докладчик: Каков же результат экспертизы?

Д-р Вондрак: Результат следующий: малорусский язык тесно связан с великорусским; он составлял с ним, очевидно, одно языковое целое, отражения которого проявляются еще и ныне. С течением времени однако в малорусском языке, главным образом под польским влиянием, обнаружилось разбежное развитие. Но не под одним только польским влиянием - отдельные черты развились сами собой, как, напр., переход *e* в *i*, - так что, благодаря этим двум обстоятельствам, возникли все-таки довольно значительные различия между малорусским и великорусским языками. Тем не менее одна-

ко эти различия далеко не таковы, чтобы можно было утверждать, что оба языка не связаны друг с другом, так как и ныне еще видно, что это вполне родственные языки, которые принадлежат один к другому.

Докладчик: Какой же язык считается в России литературным?

Д-р Вондрак: Целая русская языковая область разделяется на три главные части: южную - малорусскую, затем северо-западную, или белорусскую и великорусскую, которая составляет самую значительную часть. Все они имеют свои определенные признаки. Великорусский язык распадается, в свою очередь, на две крупные группы: так наз. северновеликорусскую и южновеликорусскую части. Они отличаются, напр., тем, что в северновеликорусском языке *о* перед ударением сохраняет свое произношение как *о*, напр. *вода*, между тем как в южновеликорусском это *о* перед ударением произносится как *а*: *вада*. Это замечается особенно в Москве. Что же касается литературного языка, то в нем наблюдаются черты, которые в своей совокупности не являются ни северновеликорусскими, ни южновеликорусскими, так что он представляет компромисс между обеими этими группами. Итак, в нем осталось еще *а*, напр., *вада*, - это относится к южновеликорусским чертам; но отдельные черты принадлежат к северновеликорусской группе, как, напр., отвердение *т* в окончании третьего лица ед. числа: *ведёт*, которое произносится просто как *т*, - это характерная черта северновеликорусского наречия, между тем как в южновеликорусском это *т* смягчается: *ведётъ*; в литературном же языке сохранилось твердое произношение. В таком же роде имеются здесь и другие черты из обеих групп. Таким образом, следует признать, что русский литературный язык является просто компромиссом из южновеликорусского наречия, которое более всего получило в нем выражение, - оно составляет московское наречие - и северно-великорусского, из которого тоже проникли в него некоторые черты.

Докладчик: И этот литературный язык распространяется вообще на все, что говорит по-русски, также и на малорусскую область?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: А существенно ли отличается этот литературный язык от того русского языка, который употреблялся в Австрии перед обвалением, о каковом говорит проф. Ягич?

Д-р Вондрак: Есть диалектические различия; некоторые из них очень стары, как, напр., переход *е* в *и*, - это в малорусском языке очень старая черта, которая не встречается в великорусском, разве только в наречиях крайних северно-западных областей.

Докладчик: А как обстоит дело, чтобы представить это понятно для

непосвященных, с возможностью понимания между теми, кто употребляет литературный великорусский язык, и теми, кто говорит на употребляемом в Галичине малорусском языке?

Д-р Вондрак: Они могут понимать друг друга. Отдельные слова - те же самые. Всего они не поймут, но сущность содержания поймут во всяком случае.

Докладчик: А в какой степени сделался употребляемый в Галичине малорусский язык литературным вообще, или он не сделался таковым?

Д-р Вондрак: Первые начала вышли из Украины в России, там появились первые произведения.

Докладчик: Котляревский?

Д-р Вондрак: Да. Произведения, которые были написаны по-малорусски. В России встретились препятствия, но в Австрии можно им было развиваться. Язык стал вырабатываться дальше, в таком духе, как мы отметили выше.

Докладчик: Это мероприятия в России 1876 и 1881 гг.?

Д-р Вондрак: Уже и раньше встречались затруднения. Отдельным малорусским писателям не разрешалось писать так, как они хотели, им приходилось в России часто бороться с большими затруднениями. Затем в России последовали строгие мероприятия 70-х годов. Позже только обратились в Петербургскую академию наук с предложением высказать свое мнение, причем последнее замечательным образом оказалось для малорусского языка довольно благоприятным⁵. В этом мнении была признана известная самостоятельность малорусского языка. Однако, к сожалению, оно не было подписано проф. Соболевским, который прежде всего должен бы быть принят во внимание, так как он является специалистом⁶. Имеются, правда, подписи заслуженного исследователя русского языка Шахматова и Фортунатова, но они неоднократно проводили взгляды, которые встречают возражения, как, напр., в последнее время Шахматов со своей кельтской теорией⁷. На это мнение академии часто ссылаются ныне, однако, как сказано, дело не совсем ясно, так как Соболевский не принял в нем участия.

Докладчик: Так это не официальное заявление академии?

Д-р Вондрак: Постольку официальное заявление, что вышло из академии.

Докладчик: Но не от того специалиста, который признается в науке компетентным?

Д-р Вондрак: Он не подписал этого мнения.

Докладчик: Известно ли Вам, по какому поводу было затребовано это мнение?

Д-р Вондрак: Его потребовали ввиду того, что в России в 70-х годах был издан строгий указ против малорусского языка, последствия которого распространились затем дальше. В последнее же время оказалось желательным как-нибудь получить большую свободу действий, и поэтому был предложен академии запрос об ее мнении.

Докладчик: Это было в 1905 г.?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: В непосредственной связи с украинским политическими движением, с Русско-японской войной?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: Тут имеется введение к «Вестнику законов державных», а именно первое, какое вообще появилось, а затем имеем экземпляры из 1895 и 1896 гг. Год 1895 является, по-видимому, концом старого правописания, а 1896 год - началом нового. Можете ли Вы, господин профессор, удостоверить это? Дальше в заголовке перечислены языки, на которых будет появляться этот «Вестник». В немецком тексте сказано в п. VI: «in ruthenischer Sprache». Как это передано по-малорусски - не могу разобрать.

Д-р Вондрак: Тут сказано «ruskim» - это и есть тоже новое правописание латинскими буквами.

Докладчик: Это этимологическое правописание?

Д-р Вондрак: Это церковнославянское правописание, которое было в то время в употреблении. «Вестник» из 1888 г. имел еще просто церковнославянское правописание, как это было тогда вообще в обиходе. Писалось *o*, которое произносилось как *u*, также и *e*, которое звучало как *u*, - и это правописание было раньше всего отвергнуто на Украине. Заслуга введения фонетического правописания принадлежит Кулишу⁸; вместо *e* пишется *u*, точно так же и *o* в известных случаях заменено посредством *u*. То же произношение было и в Галичине. Затем пошли еще дальше и дополнили еще это правописание; так, напр., вместо *e* было введено *u* с двумя точками, но это уже только незначительные изменения.

Докладчик: Что значит «ruskim» по-немецки?

Д-р Вондрак: «Русским» здесь в значении «малорусским».

Докладчик: Имеется в русском языке выражение для «ruthenisch»?

Д-р Вондрак: «Ruthenisch» - новообразовавшееся выражение, оно напоминает «Rotrusland» (Червонную Русь); вообще, оно не употребляется, оно совершенно ново.

Докладчик: Тогда прошу Вас, господин профессор, удостоверить по этим двум экземплярам, действительно ли существовало еще в 1895 г. старое этимологическое правописание?

Д-р Вондрак: Это видно здесь совершенно ясно: так называемое

«ять» - е, которое произносится как *и*. В 1896 г. есть уже новое правописание: пишется уже *и* с двумя точками - это фонетическое правописание.

Докладчик: Известно ли Вам, господин профессор, что существуют более древние грамоты, в особенности из времени раздела? Как говорилось тогда о Восточной Галичине, которая перешла к Австрии?

Д-р Вондрак: Исторические грамоты мне неизвестны, этим я, конечно, не занимался; какие технические термины имела страна, это у нас меньше принимается во внимание.

Докладчик: Эти грамоты большей частью латинские. Известно ли Вам выражение «*Russia rubra*»?

Д-р Вондрак: Да, в связи с этим возникло название «*Rotrusland*».

Докладчик: Можете ли Вы сказать нам что-нибудь о происхождении слова «*Ruthenen*» и о времени его возникновения?

Д-р Вондрак: Это слово находится в связи с латинским *rutilus*, т. е. *rot*, *красный*.

Докладчик: Так Вы полагаете, что оно находится в связи со словом *rot*, *красный*? Не является ли оно скорее отзвуком греческого?

Д-р Вондрак: Да, в средние века, как известно, латинский и греческий языки соприкасались с собой весьма близко.

Докладчик: Именно заключающаяся в данном слове буква *ʒ*?

Д-р Вондрак: Да, это вместо *th*; но это встречается также и в латинском языке. Точно так же и замена *ʒ* посредством *s* - греческая. Напр., в греческом слове *ῥεός* произносилось *ʒ* как *s*. Впрочем, все это вопросы древней филологии. Имя Русь происходит от норманн. Первоначально было Рось с омегой (*ω*), которая произносилась как *у*. Это происходит еще от норманн, из варяжских времен.

Докладчик: Известно ли Вам, господин профессор, что это в точности означает? Некоторые утверждают, что это значит *гребец*.

Д-р Вондрак: Да, это германское слово.

Докладчик: Какое географическое пространство обнимает этнографическая карта, которую Вы имеете здесь?

Д-р Вондрак: Это нынешняя малорусская область. На юге составляет ее границу Черное море, на востоке достигает она в некоторых местах Дона, идет по Дону вверх и поворачивает на запад немного южнее Курска, который находится еще на великорусской территории, идет затем к северо-востоку и поворачивает довольно прямо на запад, а именно по реке Припяти, доходит на западе до Белой через Перемышль, достигает Сяна до Буга, где Сян поворачивает к западу, относительно же к югу, проходит затем дальше по Карпатам довольно далеко на запад, а именно, где находится река Попрад, заполняет здесь Карпаты, переходит затем в Буковину и занимает

часть последней. Тут же есть еще кусок в Бессарабии, который перемежается с румынами.

Докладчик: Можете ли указать нам происхождение этой карты?

Д-р Вондрак: Она принадлежит Нидерле. Это публикация, изданная Петербургской академией наук в составе «Энциклопедии славянской филологии»⁹.

.....10

Докладчик: Здесь есть также мнение гофрата Ягича об одном письме, поступившем на малорусском языке в министерство, но этого письма здесь нет¹¹.

Военный прокурор: Вы сказали раньше, господин профессор, что в малорусский язык проник ряд полонизмов. Является ли это естественным историческим процессом, что, в случае если рядом живут два народа, которые говорят на разных языках, один из этих языков перенимает части другого?

Д-р Вондрак: Да, безусловно. Это можно наблюдать во всех языках. Не только отдельные слова, но также и произношение отдельных звуков подвергаются тут воздействию. Есть последователи теории, что только таким образом и развились именно наречия, что народы вышли из своей родины и вошли в соприкосновение с другими. Это, безусловно, совершенно верно.

Прокурор: Я знал об этом тоже, я хотел только получить подтверждение. Вы говорите тоже, господин профессор, что решение вопроса о том, есть ли это особый язык, спорно?

Д-р Вондрак: Да.

Прокурор: Тут имеется нынешнее мнение и мнение Петербургской академии?

Д-р Вондрак: Да.

Докладчик: Есть еще вопрос?

Прокурор: Нет, благодарю Вас.

Защитник д-р Рабенлехнер: Это правильно, как я слышал, что языки, на которых говорят в непосредственном соседстве большие национальные группы, взаимно воздействуют и должны воздействовать друг на друга. Это природное явление развития. И развитие это происходит не с сегодняшнего дня на завтра, а также не с 1895 г. на 1896 г. Поэтому я спрашиваю: является ли это введение фонетического правописания естественным результатом развития, или же навязано оно искусственно?

Д-р Вондрак: До известной степени это правописание было разумно. Звуки передавались так, как их произносили. Фонетическое правописание вообще представляет идеал¹².

Д-р Рабенлехнер: Я спрашиваю: естественное или искусственное это явление?

Д-р Вондрак: Фонетическое правописание всегда искусственно, если оно вводится внове (напр. сербское правописание Вука Караджича).

Д-р Рабенлехнер: Если бы это мнение было правильно, то пришлось бы опрокинуть целый английский язык, в котором тоже гласные пишутся иначе, чем они произносятся.

Д-р Вондрак: Само собой, понятно, что можно возражать против английского правописания, но почему при этом должен быть опрокинут и сам английский язык, мне непонятно.

Д-р Рабенлехнер: Припомните, что много лет тому назад Лондонская академия сделала попытку тоже ввести фонетическое правописание, что вызвало протест целого народа, так как оно было проделано искусственно. Я спрашиваю: кто такой, по Вашим сведениям, тот, или кто такие те, что вводят или желают ввести фонетическое правописание в малорусский язык? Это ученые филологи или политические деятели?

Д-р Вондрак: В первую очередь писатели, именно Кулиш; это был весьма разносторонний писатель. Дальнейшие опыты были произведены отдельными лицами в Галичине, в особенности же в Черновцах, но это уже только мелочи, а главное исходит собственно от Кулиша.

Д-р Рабенлехнер: Вы позволите, что я представлю Вам один пример. Как называется Львов по-польски?

Д-р Вондрак: Lwow.

Д-р Рабенлехнер: А по-малорусски?

Д-р Вондрак: Львив.

Д-р Рабенлехнер: А по-великорусски?

Д-р Вондрак: Львов.

Д-р Рабенлехнер: Итак, в трех славянских языках мы имеем три разных произношения. А как пишется это слово по-великорусски?

Д-р Вондрак: Пишется посредством *о*.

Д-р Рабенлехнер: По-малорусски?

Д-р Вондрак: Посредством *и*.

Д-р Рабенлехнер: А по этимологическому правописанию?

Д-р Вондрак: Следовало бы писать *о*.

Д-р Рабенлехнер: А по-польски?

Д-р Вондрак: *О* с черточкой.

Подсудимый д-р Марков: Господин эксперт представил дело так ясно и вразумительно, что мне не придется много спрашивать. Так как однако идет речь о проф. Соболевском и о так называемом мнении Петербургской академии, то я прошу г-на докладчика распорядиться о доставлении сюда из комнаты совещаний пакета, о кото-

ром г-н письмоводитель знает. Я хотел бы только установить записку проф. Соболевского.

Докладчик: Если бы у меня была эта брошюра, то я уже представил бы ее. Где она находится, мне неизвестно.

Д-р Марков: Я приготовил для разбирательства пакет, в котором, слава Богу, сохранился протест специалиста проф. Соболевского против так называемого мнения Петербургской академии¹³.

Докладчик: Так это должно быть заявление Соболевского?
.....¹⁴

Докладчик: Итак, все-таки удалось достать ту брошюру «Ukrainische und russische Sprache» из конторы «Дела», которая содержит отчет о мнении Петербургской академии наук¹⁵. В этой брошюре говорится на стр. 11-й.

.....
Таким образом, это, по-видимому, более психологические, чем основанные на языковых данных, соображения. А вот пакет, о котором вы упоминали. Что же Вы желаете?

Д-р Марков: Господин профессор, я позволю себе поставить Вам несколько вопросов. Прежде всего, я хотел бы затронуть вопрос о мнении Петербургской академии. Эта записка, как это, впрочем, отмечено уже в брошюре, возникла по случаю отмены закона о печати в России во время революции 1905 г. таким образом, что Министерство внутренних дел обратилось в этом отношении с запросом...

Докладчик: Это не вопрос, все это я уже прочел, это и нам, и г-ну профессору известно.

Д-р Марков: Эта записка подписана, между прочим, также зоологом Заленским, ориенталистом Ольденбургом, ботаником Фаминцыным и историком Лаппо-Данилевским. Верно ли то, что я сейчас утверждаю, что эта записка в числе других имен имеет также подписи зоолога, ориенталиста, ботаника и историка?

Д-р Вондрак: Мне известно только, что подписаны лишь два филолога, которых можно тут принять во внимание, то есть Фортунатов и Шахматов. Остальные лица вообще далеки от нашего предмета.

Д-р Марков: А проф. Ягич состоит членом Петербургской академии?

Д-р Вондрак: Состоит действительным членом.

Д-р Марков: Известно ли Вам, г-н профессор, что специалистами в этой области являются профессор истории русского языка и член академии Соболевский и проф. Ламанский?

Д-р Вондрак: Этот последний умер уже год тому назад¹⁶.

Д-р Марков: Но это относится к 1910 г. Итак, верно ли это, что Ягич, Соболевский и Ламанский не подписали этого мнения?

Докладчик: Это не дело эксперта; нам не приходится судить о величине того или другого ученого. Впрочем, о проф. Ягиче г-н эксперт уже говорил.

Д-р Марков: Известно ли Вам, г-н профессор, заявление проф. Соболевского от 10/III 1910 г.? Я просил бы г-на переводчика, может быть, перевести его¹⁷.

Докладчик: Или вопрос - или чтение, перепрыгивание с одного на другое не полагается. Процесс имеет свой цельный порядок, сумятицы допустить не могу.

Д-р Марков: В этом протесте говорится, что целая эта записка не касалась научно-языковедной стороны, а только ограничений мало-русского письменного слова, и что эта записка...

Докладчик: Желаете поставить вопрос? Содержание не интересует нас пока что совершенно. Если г-на эксперта никто более не желает спрашивать, то он может ведь удалиться и, может быть, лучше употребить свое время, чем здесь. Г-н профессор ведь уже высказался в том направлении, что данное мнение не подписано самым компетентным знатоком, проф. Соболевским, а всего только двумя филологами, что он не считает этого мнения неоспоримым, но придерживается другого взгляда, чем это мнение. Это все г-н профессор уже сказал.

Д-р Марков: Я хотел бы спросить, сделался ли вам известным этот протест от 10/III 1910 г.?

Д-р Вондрак: Этим я не интересовался; я знаком с трудами проф. Соболевского, так что он не мог бы сказать мне ничего нового.

Защитник д-р Рабенлехнер: Я предложу, чтобы это было прочитано.

Докладчик: Это будет, конечно, сделано.

Д-р Вондрак: Я знаю, какого взгляда придерживается Соболевский.

Д-р Марков: Во всяком случае, Вы, г-н профессор, считаете, что это заключение является только мнением двух ученых.

Докладчик: Г-н профессор уже сказал, что, хотя это и официальное мнение академии, но ученые не считают его для себя обязательным¹⁸.

Д-р Вондрак: Именно так.

Переводчик Зильберштейн читает немецкий перевод письма проф. Соболевского¹⁹.

Д-р Марков: Вы говорили, г-н профессор, о тесном единстве мало-русов и великорусов и об общности языка. Я хотел бы еще спросить, стоят ли на этой Вашей точке зрения также и другие австрийские ученые?

Д-р Вондрак: Да, напр., проф. Ягич придерживается такой же самой точки зрения. Точно так же в Праге проф. Пастрнек²⁰, насколько можно заключать по его трудам, а также проф. Нидерле, который занимается славянскими древностями и написал об этом большое сочинение²¹; они являются представителями того же взгляда.

Д-р Марков: А заграничные, напр. французские ученые?

Д-р Вондрак: Леже, но он в новейшее время не считается компетентным²². Во всяком случае также Мелье, который, однако, не интересовался отношениями отдельных языков между собой; он занимается больше церковнославянским языком²³.

Д-р Марков: А Рамбо?

Д-р Вондрак: В нашей области он не особенно входит в расчет²⁴.

Д-р Марков: Вы сказали, что языки раскололись рано. Верно ли то, о чем я читал в статье проф. Корша 1911 г., будто бы еще в XIV в. не было ни следа распада между наречиями русского народа²⁵?

Д-р Вондрак: Это совершенно неверно. Уже в XI в. замечаются явные диалектические следы.

Д-р Марков: Вы отметили здесь, что разделение произошло во время Котляревского и Шевченка. Это разделение относится только к области изящной литературы?

Д-р Вондрак: Да.

Д-р Марков: Имеет ли так наз. украинская литература такую терминологию, что ее хватит уже также и для научной области?

Д-р Вондрак: Нет, научная терминология пока еще не готова.

Д-р Марков: Вы выдвинули имена двух малорусских ученых, Смалья-Стоцкого, состоящего одновременно депутатом, и другого депутата, Колессы. А известны Вам имена Калужняцкого, Головацкого и Петрушевича? Калужняцкий - именно специалист и профессор Черновецкого университета.

Д-р Вондрак: Да, он уже умер²⁶.

Д-р Марков: А Головацкий, один из лучших этнографов²⁷, и Петрушевич, происходящий тоже из Галичины²⁸? Здесь говорилось о Кулише, который действовал в области изящной литературы и, в частности, драмы, и который ввел эту фонетику. Известно ли Вам, что он был у нас в 80-х годах и издавал не беллетристические вещи и драмы, а политические брошюры и газеты²⁹?

Д-р Вондрак: Так далеко я не слежу за деятельностью отдельных ученых.

Д-р Марков: Вы ссылались здесь относительно неологизмов и искусственного образования языка на проф. Ягича и цитировали его в том направлении, что эти люди слишком поспешно и искусственно куют новый язык. Известен ли Вам знаменитый старый писатель

Иван Нечуй-Левицкий из Южной России? Он написал в 1913 г. сочинение «Криве зеркало украинской мовы», в котором он выступил против этих новообразований, а в особенности против галицко-украинской литературы³⁰. Известно ли Вам это?

Д-р Вондрак: Да. Поднимались также другие голоса из Украины, которые протестовали против этого, а со временем подобное противодействие будет, вероятно, еще сильнее.

Д-р Марков: Известна ли Вам переписка между профессором здешнего университета гофр. Миклошичем и Погодиным? Кто такой был Погодин³¹?

Д-р Вондрак: Погодин был известный славист, писавший много в области славяноведения и издавший некоторые памятники. Но его взгляды не всегда были правильны. Оказалось, что многое, что он утверждал, в особенности о происхождении кириллицы и глаголицы, неправильно.

Д-р Марков: Я хотел бы лишь знать, был ли этот Погодин, живший в 50-х годах, ученый или политический деятель?

Д-р Вондрак: Я знаю его только как ученого.

.....³²

Подсудимый д-р Черлунчакевич: Мне кажется, что г. д-р Марков прежде не закончил своего вопроса, а потому я хотел бы его пополнить. Вы признали, г-н профессор, что Вы знаете Калужняцкого, Головацкого и Петрушевича, но при этом не было сказано, каких взглядов они придерживались. Того же ли они мнения, что и Ягич?

Д-р Вондрак: Как думали отдельные лица, я сейчас, конечно, припомнить не могу, да это и не идет, впрочем, в расчет, потому что по данному вопросу было выражено столько мнений, что их можно просто только свести по группам. Сопоставлять их все завело бы слишком далеко.

Подсудимый Янчевецкий: В Вашем ответе, г-н профессор, было одно важное противоречие. Вы сказали на основании заключений проф. Ягича, что во время «бури и натиска» был введен искусственный язык.

Д-р Вондрак: Язык подвергся изменениям, и были введены новые выражения.

Янчевецкий: Однако военный прокурор сказал, что это не искусственный, а исторический язык.

Д-р Вондрак: Что народ принимает, если народ заимствует слова, то это естественный процесс; если это, однако, делает какой-нибудь ученый, если он вводит новые выражения, неупотребляемые народом, то я бы это признал неправильным. Но то, что делает народ, совершенно природно.

Янчевецкий: А нынешний язык украинской интеллигенции - искусственный или природный?

Д-р Вондрак: Отчасти этот малорусский язык искусственный, так как именно им были восприняты выражения, которые не были необходимы и которых народ не употребляет как свои. Настолько этот язык искусственный.

Янчевецкий: С каких пор употребляется выражение «рутенский» вместо «галицко-русский» или «червоннорусский»?

Д-р Вондрак: Когда оно впервые появилось, не могу в точности припомнить. Это вопрос, на который скорее мог бы ответить историк, так как тут подлежит рассмотрению, что нужно понимать под «рутенами» вообще? Это довольно относительное понятие. Для нас это второстепенный вопрос, так как мы этим занимаемся меньше³³.

Янчевецкий: А в европейской науке употребляется выражение «рутенский» вместо «галицко-русский»?

Д-р Вондрак: Отчасти, но под ним понимаются скорее малорусы из Южной России.

Янчевецкий: Известно ли Вам, что мы, русские, если хотим назвать себя по-латыни, называем себя только «Rutheni»?³⁴

Д-р Вондрак: Да, это случается.

Председатель: Больше нет никаких вопросов? Так благодарю Вас, господин профессор.

Примечания

1. Важнейшие труды по вопросу об единстве русского языка вообще см.: А.И. Соболевский: Лекции по истории русского языка, 1-е изд. Киев, 1888. 4-е изд. Москва, 1907; А.А. Шахматов: К вопросу об образовании русских наречий, Варшава, 1894; его же: К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, СПб., 1899; его же: Очерк древнейшего периода русского языка, Петроград, 1915; его же: Введение в курс истории русского языка, Петроград, 1916; А.М. Лобода Русский язык и его южная ветвь. Киев, 1898; А.С. Будилович: К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси, Юрьев, 1900; П.А. Заболотский: Русский литературный язык, Нежин, 1918; Б.М. Ляпунов: Единство русского языка в его наречиях, Одесса, 1919; Ю.А. Яворский: Русский язык, Львов, 1902-1923.

В частности же, по вопросу об единстве русской народности и культуры, с одной стороны, а об «украинских» попытках раскола и об обособления, с другой, см.: О.А. Мончаловский: Литературное и политическое украинифильство, Львов, 1898; Т.Д. Флоринский: Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм, СПб., 1900; его же: Где правда? «Киевлянин», 1900; И.П. Филевич: По поводу теории двух русских народностей, Львов, 1902; его же: Вопрос о двух русских народностях и «Киевская

старина», Варшава, 1903; Я. Демченко: Правда об украинофильстве, Киев, 1906; А.С. Будилович: О единстве русского народа, СПб., 1907; А.И. Соболевский: Русский народ как этнографическое целое, Харьков, 1907, Львов, 1911; Д.А. Марков: Die russische und ukrainische Idee in Österreich, Вена-Лейпциг, 1908, то же в русском переводе: Русская и украинская идея в Австрии, Львов, 1911; С.Н. Щеголев: Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма, Киев, 1912; его же: Современное украинство, Киев, 1914; А.В. Стороженко: Происхождение и сущность украинофильства, Киев, 1912; его же: Малая Россия или Украина? Ростов-на-Дону, 1919; И.А. Сикорский: Русские и украинцы, Киев, 1913; П.Е. Казанский: Русский язык в Австро-Венгрии, Одесса, 1912; И.А. Линниченко: Малорусский вопрос и автономия Малороссии, Петроград - Одесса, 1917; В.В. Шульгин: Украинский народ, Одесса, 1919; И.И. Замотин: Единство русской культуры, Харьков, 1919; А.И. Савенко: Украинцы или малороссы? Ростов-на-Дону, 1919; Кн. А.М. Волконский: Историческая правда и украинофильская пропаганда, Турин, 1920.

2. Скончавшийся в прошлом году патриарх современного славяноведения, профессор Венского университета и академик Игнатий (Ватрослав) Викентьевич Ягич (1838-1923), хотя в последнее время как будто и признал до некоторой степени, в силу самого факта их существования и развития, особые «украинские» языковые в культурные устремления, но по существу в науке относился к ним вполне отрицательно и глубоко скорбел по поводу этого безумного и злостного раскола в национальной русской среде. Как в области научной мысли «принадлежность всех наречий русского языка к одному целому по отношению к прочим славянским наречиям» неизменно была для него «неотразимым научным аксиомом» (Критич. заметки по ист. русского языка, СПб., 1889, 151), так и в самой жизни все признание и сочувствие его оставалось всегда по стороне «тех образованных малороссов, которые сумели свою сердечную привязанность к родному краю, Украине, примирить с широкими общерусскими потребностями» (Ист. слав. филологии, СПб., 1910, 490).

3. Это указание на проф. Ал. Колессу как на сторонника и идеолога единства русского языка, очевидно, имеет только иронический характер, как тонкий намек а *contrario* на то, что чуть лишь кто-нибудь из «украинских» ученых попытается стать на действительно научную, фактическую почву, он тем же самым уже не может этого единства не признать. Так это и произошло в данном случае также и с проф. Колессой, который в означенной своей политической парламентской речи, сплошь проникнутой в общем самой яркой «самостийно-украинской» тенденцией, тем не менее как только коснулся, по Фортунатову, элементарнейших научных прописей, невольно был вынужден тут же опровергнуть самого себя. Тем более что и вообще-то ведь филологические заключения проф. Колессы, более известного в качестве политика и поэта, чем ученого языковеда, не могли бы быть, конечно, серьезно принимаемы в расчет.

Что касается издания, по которому автор цитирует слова проф. Колессы, то это, по-видимому, официальный стенографический протокол заседаний

австрийского парламента, в котором данная речь была произнесена 11 июня 1908 г. (а не 8-го, как ошибочно напечатано выше, в русском переводе, на стр. 36-й) в ответ на защитительную речь депутата д-ра Н.П. Глебовицкого в пользу признания прав русской национальности в Австрии. Ср. также изданную «Загальной Украинской Радой» военную брошюру «Ukrainische und russische Sprache» (Вена, 1914), где эта речь, очевидно, за отсутствием более авторитетных и убедительных свидетельств, была воспроизведена в извлечении тоже (стр. 17-23).

4. Будучи опять-таки, подобно проф. Колессе, преимущественно политическим деятелем и занимаясь наукой только по необходимости и внешне, поскольку этого уж неотложно требуют его профессиональные обязанности или соображения политического момента, проф. Ст. Смаль-Стоцкий, в свою очередь, особого и сколько-нибудь заметного значения в славяно-русской науке не представляет, хотя он и удостоился недавно, очевидно, тоже по политическим соображениям, как чуть ли не единственный официальный представитель «украинской науки» из Буковины, демонстративного избрания в члены «Всеукраинской академии наук» в Киеве. Что же касается самих трудов Смалья-Стоцкого, то оба главные из них – «украинская» грамматика и меморандум по вопросу о введении фонетики в школах – имеют тоже скорее практический и тенденциозно партийный, чем какой-нибудь научный характер, причем и составлены-то они им даже, как известно, не самостоятельно и целно, а при всемерном руководстве и содействии немецкого филолога проф. Гартнера, ввиду чего вполне естественно и справедливо, как это отмечено уже и проф. Вондраком выше, что они встретили почти единодушное осуждение в славянской науке.

5. Сильно нашумевшая в свое время и не потерявшая и до сих пор своей злободневной остроты история с пресловутой запиской якобы Петербургской академии наук об отмене стеснений малорусского печатного слова, на которую все еще, за неимением лучшего, так победоносно продолжают ссылаться все приверженцы «украинского» раскола, заключается в действительности в следующем: как известно, самая мысль об означенной записке возникла в 1905 г. совершенно неожиданно и случайно, в связи с предполагавшейся отменой суровых цензурных стеснений в России вообще, когда Министерство внутренних дел специально относительно малорусской печати обратилось с особыми запросами о благомнении к трем южнорусским университетам (в Киеве, Харькове и Одессе), с одной стороны, а к Академии наук - с другой. И вот, в то время как стоящие ближе всего к этому вопросу местные университетские коллегии, не отрицая насущной необходимости и своевременности совершенной отмены каких бы то ни было цензурных ограничений для малорусских печатных произведений самих по себе, тем не менее не находили нужным высказываться по общему, уже давно установленному в науке вопросу о мнимой отдельности и самостоятельности малорусского наречия или народа по существу, - некоторые из ультралиберальных членов академии в угоду издавна покровительствуемым ими как угнетенным «украинским» литературно-общественным кругам, тут же представившим им целый ворох соответственных

записок и статей, сочли удобным воспользоваться этим благоприятным предложением малорусской печати от скывывавших ее нелепых цензурных уз, но также и принципиально выдвинуть и поддержать и более широкой и общий вопрос о полной и всесторонней отдельности и самостоятельности малорусской народности вообще. Так, скорее в видах условной культурно-политической химеры момента, чем для чисто научного и объективного выяснения и установления самого этого докучного и сложного вопроса, и возникла в смуте времени эта пресловутая записка, что, впрочем, достаточно ясно сквозит уже и в самом ее содержании, которое более основано на общих этнопсихологических и литературно-политических рассуждениях и соображениях, чем на действительных и критически проверенных положениях и данных историко-филологических наук. Если же к тому же принять еще во внимание, что и нынешние обстоятельства появления данной записки в достаточной степени условны или мутны, а именно: 1) что составлена она была двумя самыми благодушными и увлекавшимися не в меру членами Русского отделения академии Ф.Е. Коршем и А.А. Шахматовым, а в приложении к ней в качестве побудительных источников или оправдательных документов были помещены уже заведомо пристрастные и тенденциозные частные записки таких выдающихся представителей «украинского» движения в России, как П.Я. Стебницкий, А.И. Лотоцкий, А.А. Руссов, С.О. Руссов, В.П. Науменко, В.М. Леонтович и др.; 2) что - как это уже вполне правильно подчеркнул на Венском процессе Д.А. Марков - в состав академической комиссии, одобрявшей и подписавшей данную записку, кроме названного выше специалиста по русскому языку А.А. Шахматова и общего языковеда Ф.Ф. Фортунатова, входили уже одни только посторонние и совершенно чуждые данному предмету ученые, как натуралисты В.Н. Заленский и А.С. Фаминцын, ориенталист С.Ф. Ольденбург и историк А.С. Лаппо-Данилевский; 3) что из нескольких десятков других членов академии, в том числе и самых крупных и признанных авторитетов в данной области, как А.И. Соболевский, И.В. Ягич и В.И. Ламанский, - как это тоже было отмечено на том же процессе, - никто больше своей подписи к ним не присоединил, а Л.И. Соболевский заявил даже против этого выступления самый резкий и уничтожительный протест; и, наконец, 4) что ни сама академия в своем целом, ни даже одно ее Русское отделение как такое никогда не принимали и не издавали данной записки в качестве своего коллективного и официального заключения, а только, по заведенному обычаю, допустили ее напечатание «на правах рукописи» как предварительный и не подлежащий оглашению отчет о занятиях комиссии - если все это принять во внимание и взвесить, то, разумеется, не приходится и говорить больше о том, что эта злополучная записка является каким-нибудь общим и официальным заявлением Русской академии наук, которое будто бы никакому сомнению и спору более не подлежит. На поверку, наоборот, оказывается совершенно ясно, что это просто только частная, да и то лишь более или менее случайная литературно-политическая выходка нескольких, частью совершенно неосведомленных, частью же слишком неустойчивых и пыл-

ких членов академии, которая даже в такой частной и условной своей роли никаких особых вех и откровений не дает. Таким образом, в сущности, весь ее непомерно раздутый авторитет и успех основывается, в конце концов, только на том, что этих дел мастера, дельцы «украинского» толка, коварно опубликовав не подлежащий оглашению предварительный и частный протокол, с присущим себе апломбом и шумом объявили его, в качестве последнего и непререкаемого слова правды и науки, официальным и общим заключением Русской академии наук, между тем как на самом деле это просто-напросто только обычный «украинский» блеф и подлог.

См.: Императорская академия наук. Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1905, стр. III + 96 in f^o. На правах рукописи. То же в частном издании: СПб., 1910 и Киев, 1911 (без приложений). Ср. также: Петербургска академия наук в справе знесеня заборони українського слова. Львов, 1905 (оттиск из «Лит.-наук. вестника») и *Ukrainische und russische Sprache*, Вена, 1914, стр. 11-16.

6. Знаменитый русский филолог, этнограф, палеограф и историк древнеписьменной литературы, профессор и академик Алексей Иванович Соболевский (род. 1856 г.) на протяжении всей своей высокоталантливой и многогранной научной деятельности неоднократно и проникновенно останавливался на этом основоположном вопросе об органическом единстве русского языка в его историческом развитии и в его частных наречиях, причем общие результаты и выводы его многочисленных и глубоких разысканий в этом направлении наиболее систематически и стройно подведены в его капитальнейших Лекциях по истории русского языка (1-е изд. - Киев, 1888, 4-е изд. - Москва, 1907).

7. Трагически скончавшийся недавно от кошмарных условий нынешней советской жизни выдающийся и многозаслуженный русский историк в филолог, профессор и академик Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) при своих глубоких и разносторонних знаниях, широте и размахе научного горизонта и блестящем и оригинальном уме обладал вместе с тем действительно в высшей степени пытливым и легко увлекающимся воображением, которое побуждало его неоднократно выдвигать и горячо отстаивать разные рискованные и несостоятельные гипотезы, которые иногда встречали резкий отпора в науке и чувствительно подрывали его яркой и несомненный научный авторитет.

Так вышло также и со злополучной кельтской теорией, о которой упомянул выше проф. Вондрак. Восторженно увлекшись некоторыми кельтскими отзвуками или созвучиями в языке древних эстов (по Тациту) и в географических названиях местностей над Вислой и Балтийским заливом, с одной стороны, а в славянском праязыке вообще - с другой, покойный ученый на этом шатком основании построил, с привлечением значительного научного аппарата и с помощью ряда остроумных и смелых догадок и умозаключений, целую новую теорию о том, что около III - II вв. до рожд. Хр., раньше нашествия готов, на берегах Вислы и на Балтийском побережье жило под именем венедов, или вендов довольно значительное племя кельтов, которое, по-видимому, подчинило себе соседних, живших в бас-

сейне Немана и Двины славян, причем произвело на последних сильное культурной влияние, главным образом, конечно, в области их языка (Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. «Archiv f. slav. Philologie», 1911, XXXIII, 51-99). Конечно, неожиданная и смелая гипотеза эта оказалась на проверку, под холодным и трезвым судом научной критики, совершенно несостоятельной и праздной, с чем, по-видимому, согласился в конце концов и сам автор, оставив ее вскоре, после кое-каких слабых возражений, без дальнейшего развития и внимания.

В связи с указанной кельтской теорией следует отметить также, кстати, соприкасающуюся с ней во многих отношениях другую подобную произвольную гипотезу покойного ученого, а именно поднятые им в последние годы совершенно новые предположения относительно первоначальной прародины славянского племени в Европе вообще. Исходя из общепринятого положения, что славяне составляли некогда одну семью с балтийцами, и признавая на этом основании, что они жили тогда вместе с последними в Прибалтийском крае, он утверждает, опять-таки почти исключительно на основании сомнительных или случайных языковых данных, что после распада этой семьи на два отдельных племени славяне заселили Балтийское побережье, точнее - понизовья Немана и Северной Двины, затем бассейны нижних течений Западной Двины и Немана, может быть, распространяясь и далее к югу - до бассейна Нарева и Зап. Буга, а наконец, когда эта территория перестала их удовлетворять, нашли себе «вторую прародину» на берегах Вислы, откуда уже они только со временем стали передвигаться дальше - на юг и на юго-восток. Замечательно при этом, между прочим, что теперь уже в венедах автор снова признает славян, в кельтских же заимствованиях праславянского языка допускает уже германское посредство. (Очерк древнейшего периода истории русского языка, Петроград, 1915; Введение в курс истории русского языка, Петр., 1916). Как и следовало ожидать, также и приведенная новая гипотеза встретила решительные возражения в науке и, по-видимому, должна тоже разделить печальную участь как кельтской теории, так и других подобных научных увлечений и крайностей этого блестящего и многогранного в общем, но слишком пылкого и увлекавшегося ума.

Но «красота духовной личности почившего ученого, - говорит по этому поводу проф. Г.А. Ильинский, - заключалась в неугасимой жажде научной истины: ради этой истины он не боялся ошибаться и по многу раз перестраивать и переделывать свои теории, ради нее он без малейшего чувства личной обиды прислушивался к чужой критике своих положений и с несокрушимой энергией продолжал разрабатывать и привлекать к исследованию все новые и новые материалы, чтобы потом на расчищенной почве построить новое, еще более великолепное здание» (Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А. Шахматова, 436).

К этой-то своеобразной его способности научного увлечения, в связи с обаятельной личной мягкостью и добротой и чисто русской либеральной рачительностью вообще, и следует отнести, несомненно, как это вполне правильно сделал и проф. Вондрак, столь странное на первый взгляд об-

стоятельство, что именно А.А. Шахматов, который во многих своих научных трудах вместе с А.И. Соболевским положил главные основы для установления взаимных отношений русских наречий в их органическом единстве, дал себя злоупотребить для пресловутой академической записки по малорусскому вопросу да и впоследствии еще неоднократно горячо поддерживал всякие «украинские» попытки национального обособления в отношении культуры и языка.

В такой же самой плоскости, по-видимому, следует рассматривать также и участие в означенной записке другого русского ученого, профессора сравнительного языкознания Московского университета и академика Филиппа Федоровича Фортунатова, который в науке, как известно, придерживался вполне определенного взгляда на взаимные отношения русских наречий и признавал их несомненную принадлежность к одному целому (как это явствует уже хотя бы из приведенных выше, по речи проф. Колоссы, положений из его книги «Сравнительное языкознание»), но тем не менее по либеральному трафарету, а может быть, и под непосредственным впечатлением пылкого порыва своих друзей А.А. Шахматова и Ф.Е. Корша тоже присоединил свою подпись под их записку.

8. Основатель нынешней «украинской» фонетики, талантливый и разносторонний малорусский писатель, ученый и публицист Пантелеймон Александрович Кулиш (1819 - 1897), вечно мятущийся и искавший новой правды и воли, дух которого страстно бросался из одной крайности в другую, не находя нигде удовлетворения и мира, неоднократно совершенно отрекался и от изобретенного им правописания, и от самого своего украинofilства вообще, хотя затем так или иначе возвращался к ним снова. Так, напр., из ярого украино- и казакофила, сподвижника Костомарова и Шевченка, он в 1870-х годах превратился в не менее страстного противника и хулителя как восхваленного им казачества, так и самой «украинской» идеи как такой, самое яркое выражение чему он дал в своей знаменательной трехтомной «Истории воссоединения Руси», от которой он однако со временем в свою очередь тоже откинулся в сторону, чтобы искать сближения и общей мысли с поляками.

Что же касается, в частности, фонетического правописания, то он уже в 1866 г. писал о нем Я.Ф. Головацкому, что он ввел его исключительно «с целью облегчить науку грамоты для людей, которым некогда долго учиться», если же из него будут пытаться делать «политическое знамя» и если «это знамя он увидит в неприятельских руках, то «первый ударит на него и отречется от него во имя русского единства» (см. львовский журнала «Боян», 1867 г., н-р 10). То же самое писал он тогда же галицкому «украинскому» публицисту Ем. Партицкому: «Завітую, що коли ляхи печататимуть мою правописню на ознаку нашого розмиру з великою Руссю, коли наша фонетичня правопись виставлятиметця не яко підмога народові до просвіті, а яко знаменіно нашої руської розні, то я, писавши по своєму, по українськи, печататиму етимологічнею, старосвіцькою ортографією... Половинила нас лиха доля довго, и силовались ми до одностійности руської кривавим робом, а вже теперь шкода лядського заходу нас розлучати!» (Там же, н-р

13). А через несколько лет, в 1879 г., окончательно уже разочаровавшись в своих единомышленниках и сподвижниках как на Украине, так и во Львове, он и совсем уже решительно и определенно писал по-русски своему долголетнему и верному галицкому поклоннику и другу, известному «украинскому» деятелю и публицисту Ал.Г. Барвинскому, что он «наконец изломал малорусское или украинское перо свое» и что он «пишет теперь по-великорусски, предоставляя галицким русинам проповедовать какие угодно исторические выдумки» (Ал. Барвинский. Спомини з мого житя, Львов, 1912, I, 281).

Все это однако не помешало опять-таки этому крайне неустойчивому и непоследовательному писателю вскоре назад возвратиться к отвергнутым им было «украинскому» языку и фонетическому правописанию, от которых он уже в общем не отклонялся до самой своей смерти.

Об этих национально-языковых колебаниях и сменах П.А. Кулиша вообще см.: О.А. Мончаловский. Письма П. Кулиша, относящиеся к времени и цели его пребывания во Львове. Научно-лит. сборник Гал.-рус. Матицы, Львов, 1904, I, 59 - 72; Д.И. Дорошенко. Пантелеймон Кулиш, Лейпциг, 1922; С. Томашевский. Кулиш и укр. национальная идея. Под колесами истории, Берлин, 1922; В.Г. Щурат. Философична основа творчости Кулиша, Львов, 1922.

9. Л. Нидерле. Обзорение современного славянства, СПб., 1909. С картой. (Энциклопедия славянской филологии, вып. II). То же по-чешски: Slovansky svet. Zemepisny a statisticky obraz soucasneho slovanstva. Прага, 1910.

10. Пропущено несколько строк протокола, относящихся к формальной стороне судопроизводства.

11. К большому сожалению, однако означенного официального заключения проф. Ягича, которое могло бы, без сомнения, представить значительный интерес по данному вопросу, ни в самом протоколе, ни среди других актов процесса налицо не оказалось. Только из дальнейшего отчета о ходе процесса (стр. 1465 - 1467) обнаруживается в общем, что это заключение было составлено проф. Ягичем по предложению Министерства внутренних дел и относилось к поданному в 1913 г. во львовское наместничество и написанному на галицко-русском народно-литературном языке и этимологическим правописанием заявлению председателя «Русского спасательного комитета» во Львове проф. Ф. И. Свистуна об образовании последнего и о предполагаемых им мероприятиях по оказанию помощи голодающему русскому населению края, причем от проф. Ягича, по всей видимости, требовалось дать филологический отзыв специально об языке и правописании этого письма.

12. Высказываясь так решительно в пользу фонетического правописания вообще, проф. Вондрак имеет в виду, очевидно, лишь его практическое упрощение и удобство, совершенно оставляя без внимания заключающиеся в нем в некоторых случаях, как, напр., относительно русских наречий, возможные внутренние противоречия и смуты.

13. Так как указываемый Д. А. Марковым протест проф. Соболевского (или заявление, записка, письмо? - ср. примечания 17 и 19) тоже ни в самом

протоколе, ни среди других актов процесса не сохранился, то невозможно пока и установить точно, что именно имеется тут в виду: первоначальный ли, заявленный тотчас же по составлении академической записки в 1905 г. его протест или какое-то другое возражение его против последней от 10 марта 1910 г., о котором у нас сейчас, за невозможностью срочного наведения соответственных справок, никаких сведений нет.

14. Последовал 10-минутный перерыв слушания дела.

15. *Ukarinische und russische Sprache. Wissenschaftliche Beiträge.* Herausg. vom Allgemeinen Ukrainischen Nationalrat. Вена, 1914, стр. 28, 8⁰. Отчет об академической записке занимает страницы 11-16.

Следует заметить, кстати, что сделанное докладчиком попутно указание на то, будто бы данная брошюра вышла в издании «Дела», настолько неправильно, что она только находилась на складе в конторе последнего, в каком смысле и исправлен нами русский перевод. В протоколе прочитанной на суде выдержки из брошюры нет.

16. Авторитетнейший представитель русского славяноведения, историк и этнограф, профессор Петербургского университета и член Академии наук Владимир Иванович Ламанский (1833-1914), являясь решительным и горячим сторонником русского литературного и национального единства вообще, тем не менее, в частности, в филологическую сторону вопроса уж по самому характеру своей научной специальности и задачи более подробно не вникал.

17. См. примечание 13-е.

18. Это замечание докладчика не совсем точно, так как проф. Вондрак признал только, что это постольку лишь официальное мнение академии, поскольку оно формально вышло из академической среды. Ср. выше – примечание 5.

19. См. примечание 13-е. В протоколе текста этого письма (?) тоже совершенно нет.

20. Профессор Пражского университета Франтишек Пастрнек (род. 1853 г.) - выдающийся и многозаслуженный западнославянский языковед.

21. Превосходнейший и основательный исследователь славянских древностей и этнолог, автор капитальнейших трудов «*Slovanske starozitnosti*» и «*Slovansky svět*» Любор Нидерле - тоже профессор Пражского университета.

22. Луи Леже (Leger), профессор славяноведения в *College de France*, занимаясь, главным образом, культурной историей, этнографией и мифологией славян, придерживается при этом в общем устаревших научных методов и взглядов.

23. А. Мелье (Meillet), профессор славянского языкознания в *College de France*, интересуясь преимущественно древним церковнославянским языком, действительно мало вникает, по-видимому, во взаимные отношения современных славянских наречий, чем и объясняется, между прочим, хотя бы такое, напр., странное, на первый взгляд, обстоятельство, что он дал свое рекомендательное предисловие к изданной проф. М.С. Грушевским на французском языке заведомо тенденциозной и дутой «*Anthologie de la*

litterature ukrainienne» (Париж, 1921).

24. Альфред Рамбо (Rimbaud) занимался специально политической историей славян.

25. Тут имеется в виду, очевидно, доклад акад. Ф.Е. Корша по малорусскому вопросу, прочитанный в 1911 г. в московском «Обществе славянской культуры», о котором были помещены обстоятельные отчеты на печати («Утро России», «Рада», «Прикарпатская Русь»). Ср. также статьи Ф.Е. Корша по тому же вопросу: В борьбе за родной язык («Утро России» и «Прикарпатская Русь», 1911 г., н-ра 394-395) и Трехединая Русь («Утро России» и «Прикарпатская Русь», 1911 г., н-р 423).

26. Выдающийся славист, профессор Черновецкого университета Эмилиян Иеронимович Калужняцкий (1845-1914) является, между прочим, автором известных всенародных протестов против введения «украинской» фонетики как разъединяющего начала в буковинских и галицких школах.

27. Профессор Львовского университета, а впоследствии председатель Виленской археологической комиссии Яков Федорович Головацкий (1814-1888) - один из самых крупных и заслуженных деятелей возрождения Галицкой Руси и выдающийся галицко-русский филолог, историк и этнограф.

28. Каноник Антон Степанович Петрушевич (1821-1910) - тоже выдающийся и многозаслуженный галицко-русский культурный деятель, филолог, археолог и историограф.

Все эти три указанные Д.А. Марковым галицко-русские ученые, как и целый ряд других, как, напр., Д.И. Зубрицкий, И.И. Шараневич, Ф.И. Свистун и др., являлись, как известно, убежденными и верными сторонниками заветного и незыблимого единства русских наречий и племен.

29. П.А. Кулиш приезжал в начале 1880-х годов с целью устройства примирения русских галичан с поляками, в каком направлении и издал несколько брошюр («Хуторная поэзия», «Крашанка» и др.) и намеревался издавать даже на средства некоторых польских панов политическую газету «Хутор», но вскоре затем, разуверившись в искренности и честности польских политиков, порвал с ними всякие сношения и уехал сначала в Вену, а затем обратно в Россию. См.: В. Г. Щурат: До истории останного побуту Куліша у Львові, Львов, 1898; О.А. Мончаловский: Письма П.А. Кулиша, относящиеся к времени и цели его пребывания во Львове, «Научно-лит. сборник Гал.-рус. матицы», 1904 г., I, 59-72, II, 1-41.

30. Указанная брошюра Ив. Нечуя-Левицкого вышла в 1912 г.: Криве дзеркало української мові, Киев, 1912, стр. 96, 8^о.

Еще раньше, в 1890-х гг., с подобным же укором по поводу галицких искажений и новообразований литературного «украинского» языка выступил во львовском журнале «Зоря» другой крупной малорусский писатель из Украины - Б.Д. Гринченко (В. Чайченко).

31. Известный московский профессор-славист, историк, археолог и публицист Михаил Петрович Погодин (1800-1875), путешествуя в 1830-х гг. по славянским землям, познакомился проездом, между прочим, также и с несколькими русскими галичанами во Львове, с которыми он и поддерживал затем живые литературные связи, снабжая их, главным образом,

научными материалами и книгами, откуда и пошла впоследствии нелепая и злостная «украинская» молва о том, что это он именно впервые насадил среди русских галичан национально-русское сознание и устремление. (См.: К. Студинский: Корреспонденция Якова Головацкого в letech 1850 - 62, Львов, 1905, XVI; М. Тершаковец: Галицко-русске літературне відроджене, Львов, 1908, 123-134; И. С. Свенцицкий: Материалы по ист. возрождения Карпатской Руси, Львов, 1906, I, 142-158; его же: Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю пол. XIX в., СПб., 1906, 2 - 4, 50-69.

Письма проф. Фр. Миклошича к М. П. Погодину напечатаны в издании Нила Попова: Письма к М. П. Погодину из славянских земель, Москва, 1879, 455-460.

32. Пропущен небольшой, не представляющий для данного вопроса никакого интереса экскурс проф. Вондрака на тему о кириллице и глаголице в славянском письме.

33. Выражения «Ruthenen» и «ruthenisch» появились в официальном австрийско-немецком языке с половины прошлого столетия, когда, согласно известной насмешке венского сатирика Сафира, «изобрел» их, очевидно, в видах более наглядного отвращения и отчуждения галицко-русского народа от России, тогдашний галицкий губернатор граф Стадион. Вообще об иноязычных исторических наименованиях русского населения Прикарпатья см.: А. Iv...tsch (А.И. Добрянский): Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen, Вена, 1885.

34. Д.И. Янчевецкий – уроженец России, чем и объясняется, конечно, этот странный и неожиданный в общем вопрос.

Ю. Яворский

Источник: Вопрос об единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году: научные показания проф. д-ра Вондрака о сущности и роли русского литературного языка по отношению к его наречиям / В. Вондрак; Ю.А. Яворский: предисл. и примечания проф. д-ра Ю.А. Яворского. Львов: Живое слово, 1924. 64 с.

Source: The Question about the Unity of the Russian Language before an Austrian Military Trial in Vienna in 1915: Scholarly Evidence of Prof. Dr. Vondrak about the Essence and Role of the Russian Literary Language in Relationship to its Dialects / V. Vondrak; Ju.A. Javorskii: Preface and Comments of Prof. Dr. Ju.A. Javorskii. L'vov: The Live Word, 1924. 64 pages.

Вондрак Вацлав (1859-1925) - чешский филолог-славист, доктор философии (с 1884 г.). Изучал романскую, а затем и славянскую филологию под руководством Ф.К. Миклошича в Венском университете. В 1884-1891 гг. - частный учитель. Ассистент (1891), приват-доцент (1893), экстраординарный (1903) и ординарный (1910) профессор Венского университета. В 1895-1910 гг. работал также хранителем Венской придворной библиотеки. Профессор университета в г. Брно (с 1920).

Vaclav Vondrak (1846-1908) - Czech Philologist-Slavist, PhD (from 1884). Studied Romance and then Slavic Philology under F.K. Mikloshich at the University of Vienna. In 1884-1891 was a private teacher. Associate (1891), Docent (1893), Extraordinary (1903) and Ordinary (1910) Professor of the University of Vienna. In 1895-1910 simultaneously a curator of the Viennese Court Library. From 1920 Professor at the University of Brno.

Яворский Юлиан Андреевич (1873-1937) - поэт, критик, этнограф, ученый и общественный деятель Галицкой Руси. Во время Первой мировой войны вместе с В.Ф. Дудыкевичем организовал в Киеве «Карпаторусский освободительный комитет». Написал около сотни научно-литературных трудов, среди которых «Пушкин в Прикарпатской Руси» (1899), «Гоголь в Червонной Руси» (1904), «Галицкая Голгофа» (1924), «Освобождение Львова» (1925) и т. д.

Yulian Iavorskii (1873-1937) - poet, critic, ethnographer, scholar and social activist of Galician Russ. During WW1 together with V.F. Dudikevich organized a "Carpatho-Russian Liberation Committee" in Kiev. Wrote about 100 scholarly literary works among which are "Pushkin in Carpathian Russ" (1899), "Gogol in Red Russ" (1904), "Galician Golgotha" (1924), "The Liberation of L'vov" (1925) and so forth.